

Лейкин Николай Александрович

**Воскресные охотники;
Воскресенье на даче;
Рыболовы.
Юмористрассказы о
похождениях
столичподгородедействиях
охотников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Воскресные охотники; Воскресенье на даче; Рыболовы. Юмористрассказы
о похождениях столичподгородедействиях охотников / Лейкин Николай Алек-
сандрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 335 с.

ISBN 978-5-519-92959-2

ISBN 978-5-519-92959-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Весенняя охота.

I.

Былъ апрѣль въ половинѣ. Нева только еще вскрылась отъ льда. По водѣ, то тамъ, то сямъ, плыли большія, бѣлыя, поздреватыя льдины. Къ одной изъ промежуточныхъ пристаней шлиссельбургскаго пароходства подошелъ большой пароходъ, пришедшій изъ Петербурга и, шипя парами, началъ выпускать пассажировъ. Вышли на пристань четыре мужика въ рваныхъ полушубкахъ и съ большими пилами за плечами, вышла баба съ котомкой, съ закоптѣлымъ котелкомъ и жестянымъ чайникомъ, выпрыгнулъ и охотникъ, среднихъ лѣтъ мужчина, и сталъ высаживать собаку, таща ее на цѣпочкѣ. Охотникъ былъ одѣтъ въ чрезвычайно причудливый нарядъ, состоящій изъ желтой замшевой куртки на лисьемъ мѣху и изъ мѣховой шапки съ ушами, на манеръ капора. Плоскія пуговицы куртки поражали своей величиной, были чуть не двухъ вершковъ въ діаметрѣ и имѣли на себѣ изображенія собачьихъ головъ. Кожаные са-

поги съ войлочными отъ икръ до колѣнъ голенищами оканчивались раструбами и походили на средневѣковые испанскіе сапоги. Къ охотнику тотчасъ же бросился старикъ егеръ въ заплатанной сѣрой курткѣ съ зеленой обливашей оторочкой, принялъ отъ него собаку и сталъ стаскивать съ него ружье въ чехлѣ, перекинутое черезъ плечо.

— Ивану Павловичу добраго здоровья! Первымъ изъ охотниковъ изволили обновить навигацію, — заговорилъ онъ. — И Фингалка съ вами... Здравствуй, Фингалка... Кажись, Фингалка-то у васъ, Иванъ Павлычъ, немного похудѣлъ.

— Чудакъ человѣкъ. Собакѣ худоба не мѣшаетъ. Нарочно выдерживалъ его зиму, чтобы не разжирѣлъ, — отвѣчалъ охотникъ и спросилъ: — Неужто и въ самомъ дѣлѣ я первый на пароходѣ?

— Какъ есть первый. Вѣдь вчера только и пароходы-то начали ходить. Пожалуйста сакъ-вояжецъ-то вашъ. Фляжечку не снимете?

— Что-жъ фляжку-то снимать! Велика-ли въ ней тяжесть!

Они начали взбираться по ветхой скрипучей лѣстницѣ на берегъ. Въ береговыхъ рывтинахъ лежалъ еще снѣгъ, деревья и кустарники были голы и не успѣли даже надуться почками.

— И зимой ни разу не приѣхали къ намъ, какъ есть ни разу...

— Да что-же было дѣлать при такихъ страшныхъ снѣгахъ? — отвѣчалъ охотникъ. — На лыжахъ

я ходить не умѣю. Къ тому-же и морозы... Вѣдь смучали зимой двадцатиградусные морозы.

— Бѣда... Чистая бѣда. У насъ и не двадцатиградусные морозы, а по тридцати пяти градусовъ стояли. Углы отъ морозовъ трещали, право слово. Не натопиться было—вотъ до чего. Бывало, такъ въ полушубкахъ и спали. Лежу я разъ ночью на плитѣ—вдругъ ударъ словно изъ пушки. А это морозъ объ уголь...

— Ну?! Неужто такъ сильно?

— Съ плиты чуть не свалился— вотъ до чего. Немного погода, опять. А потомъ въ третій разъ. А за задворками волки воютъ.

— Неужто волки на деревню приходили?—удивился охотникъ.

— За нашей охотничьей сборной избой всѣ ночи простаивали,—отвѣчалъ егеръ.—Все собакъ караулили. Запахъ-то собачій чуютъ—ну, и караулятъ.

— Стоять и воютъ?

— Стоять и воютъ. Да вѣдь какъ воютъ-то! Въ трель.

— Съ голоду?

— Само собой, съ радости не завоютъ. Вѣдь на деревнѣ всѣхъ мужицкихъ собакъ переѣли, а потомъ ужъ и въ нашимъ собакамъ подбираться стали.

— Что-жъ ты ихъ не стрѣлялъ?

— Позвольте... Какъ-же ихъ стрѣлять, коли ничего не видать? Ночь темная, зги не видать, а

волеѣ—онѣ хотѣ и воетѣ, но сидитѣ, притаившись за угломѣ, сидитѣ и собаку караулитѣ.

— Охотничьихѣ-то собакѣ не попортитѣ?

— Какѣ возможно попортитѣ! Берегѣ я ихѣ пуще глазу. Чутѣ послѣ сумерекѣ—сейчасѣ ужѣ выводилѣ на цѣпочкѣ. Да у меня, правда, зимой-то только двѣ собаки и было: докторова да Семена Гаврилыча.

— Приѣзжалѣ докторѣ-то зимой?

— Приѣзжалѣ разѣ, попробовалѣ на лыжахѣ, провалился—и ужѣ больше ни ногой... А только и снѣга-же были! Господи! И по сейчасѣ снѣгу въ лѣсу на аршинѣ, гдѣ его солнцемѣ не хватаетѣ, а вѣдѣ ужѣ рѣка разошлась.

Они вышли на деревню.

— Въ сборную избѣ прикажете? — спросилѣ егерѣ.

— А то куда-же? Ну, что, какія у васѣ въ деревнѣ новости?—задалѣ вопросѣ охотникѣ.

— Новый кабакѣ открылся.

— Здравствуйтѣ! Мало было. Это который?

— Да ежели двѣ штофныя лавки считать, то пятый. Теперича, Иванѣ Павлычѣ, у насѣ канканерціа на деревнѣ началась. Таковую водку вездѣ продаютѣ, что просто шаль. Иванѣ Родіоновѣ такѣ воспламенился, что новое сукно въ трактирѣ на бильярдѣ сдѣлалѣ. „Пуцай, говоритѣ, буду я на отличку...“ Это передѣ новымѣ кабатчикомѣ-то. Тотѣ шарманку у себя поставилѣ, а Иванѣ Родіоновѣ говоритѣ: „Я ему органомѣ носѣ утру“. Красныя

занавѣски въ чистой половинѣ на окнахъ повѣсилъ, въ углу купидона поставилъ. Къ каждому стаканчику кильку даромъ предоставляетъ. Новый кабатчикъ садъ на дворѣ разводитъ собирается. „Пусть, говоритъ, господамъ охотникамъ будетъ въ свое удовольствіе“. А Родивоновъ вчера такія слова говорилъ: „Заведу, говоритъ, маркитанта для селянокъ и дутыхъ пироговъ—пусть господа охотники кушаютъ на питерскій манеръ“.

— Вотъ это хорошо. А то вѣдь прежде у него ничего, кромѣ крутыхъ яицъ, на закуску достать было нельзя,—сказалъ охотникъ.

— Бикштесы съ гарниромъ будетъ стряпать, фрикадель...

— Ну, ну, ну...

— Вѣрно-съ. „Я, говоритъ, самъ въ погибель войду, а ужъ его погублю“. Это то-есть новаго-то кабатчика. Страшная канканерція! Тотъ соловья надъ стойкой въ клѣтѣ повѣсилъ, а этотъ канарейку. У того новая вывѣска съ чайниками, а этотъ говоритъ: „я, говоритъ, флагъ повѣшу“. Теперича другъ дружкѣ иначе и не называютъ, какъ „подлецъ“ и „мерзавецъ“. Иванъ Родіоновъ: „что, говоритъ, у того подлеца, какъ?“ А этотъ: „новаго чего не придумалъ-ли мерзавецъ-то?“ Такъ и разговоръ у нихъ. Словно у другъ дружки и имени христіанскаго нѣтъ. Даже и не кланяются. Встрѣтятся—другъ передъ дружкой козыремъ. А жены ихъ такъ даже потѣха!.. Пройдетъ одна мимо другой—тѣфу! А та ей въ отвѣтъ: тѣфу! А разговора

никакого. Вотъ оно наше новое-то заведеніе. Не желаете-ли зайти?—предложилъ егеръ.

— Мимо.

— Ей-ей, водку такую даютъ, что просто одно воображеніе!

— Иди, иди въ сборную избу.

— Пиво тоже первый сортъ...—продолжалъ егеръ, умильно поглядывая на расписную вывѣску трактира и постоялаго двора, но видя, что охотникъ не сочувствуетъ его словамъ, отвернулся и прибавилъ шагу.

II.

Май въ началѣ. Въ селѣ Ивановскомъ, на берегу рѣки Невы, близъ пароходной пристани сидитъ, поджидая шлиссельбургскій пароходъ, пожилой человѣкъ въ охотничьихъ сапогахъ, съ пустымъ яхташемъ и двумя ружьями въ чехлахъ за плечомъ. Одѣтъ онъ въ войлочную шапку и подпоясанный ремнемъ сѣрый, солдатскаго сукна, пиджакъ съ когда-то зеленой, но нынѣ окончательно выпцвѣтшей оторочкой. Онъ изрядно выпивши, покуриваетъ окурокъ папиросы, поминутно сплевываетъ и говоритъ двумъ стоящимъ передъ нимъ мужикамъ:

— Ты думаешь егеръ дѣло плевое? Нѣтъ, братъ, шалишь! Егеръ долженъ быть человѣкъ умный, да и образованность нужна. Теперича нужно знать, какъ съ собакой обойтись, какъ что... а она у хорошихъ господъ только на французскомъ діалектѣ и понимаетъ. Такъ вотъ ты и учти... И всѣ эти французскія слова надо знать. Понялъ?

— Ну, и по-русски пойметъ,—отвѣчаетъ мужикъ въ замасленномъ зипунѣ.

— Англійская собака, да по-русски?.. Ну, значить, ты не знаешь. Попробуй, прикажи ей по-русски— ну, никакого толку и не выйдетъ. Когда я егеремъ къ графу Калатуеву опредѣлился, я самъ такъ думалъ, анъ вышло совсѣмъ напротивъ. И когда графъ, дай Богъ имъ царство небесное, обучили меня иностраннымъ собачьимъ словамъ, то тутъ я и увидѣлъ свѣтъ. Русская собака — она и по-русски пойметъ, ей все равно, а попробуй ты съ иностранной... И вотъ съ тѣхъ поръ господа стали меня наперерывъ рвать: Игнатій, иди къ намъ. Игнатій, соблюди собаку... И всѣмъ угодить стараешься. Кромѣ того, нужно вино знать. Нужно знать, что коньякъ, что ромъ. А ты отличишь-ли ромъ отъ коньяку?

— Ну, вотъ... Подъ городомъ живемъ, а не за-ходустные,—отвѣчаетъ мужикъ.—Пивали.

— Ты кабацкій ромъ отъ коньяку отличишь, а господскій тебѣ не отличить, ни въ жизнь не отличить. Опять же ромъ есть красный и бѣлый и обя-занъ ты знать, что къ чему идетъ. Я вотъ знаю... Знаю и собакъ... Я собаку зажмурясь узнаю, стоитъ мнѣ ее только за носъ потрогать — сейчасъ я и отрапортую, какая она. А собакъ есть можетъ статья двадцать сортовъ. Я и не одни собачьи слова знаю. Пусть господа промежъ себя по-французски заговаряютъ—сейчасъ пойму. Знаю и хмель-ныя слова, знаю и слова объ женскомъ полѣ. Двадцать семь годовъ, братецъ ты мой, промежду господъ, такъ стало быть слава тебѣ Господи... Теперь вотъ купцы

среди охотниковъ появились... Съ купцомъ надо особо... Онъ особое обхожденіе любитъ и бабъ онъ любитъ круглыхъ и рыхлыхъ... У меня былъ охотникъ такой, что я за нимъ стулъ таскалъ и складной столъ... Отъ докторовъ ему вышло предписаніе, чтобы насчетъ моціону—ну, онъ и взялся за охоту. А самъ грузень, ходить не можетъ. Протащишь его версты съ полторы, да и посадишь на стулъ, а самъ застрѣлишь ему птичку, другую — ну, онъ и радъ, сейчасъ рубль въ зубы. Такъ вотъ все это, другъ любезный, надо знать,—закончилъ егеръ, обернулся и сталъ смотрѣть по сторонамъ. — Однако, наши-то охотнички что-то не ѣдутъ. Не сдѣлали гдѣ опять перепутье, да не застряли-ли?

— Не дураки выпить, надо статься?—спросилъ мужикъ въ пиджакѣ, опоясанномъ краснымъ кушакомъ.

— Каждый охотникъ ужъ, знамо дѣло, выпить не дуракъ. Что и за охота, коли на сухую! Сырость, вѣтеръ... Какъ тутъ не выпить! Того и гляди ревматизму схватишь, коли не пить. Сегодня вотъ всю ночь прохороводились. Двѣ четверти было у нихъ на пятерыхъ, да я шестой.

— И прикончили?

— Прикончили. На воздухѣ да въ холодеѣ-то вѣдь пьется. Опять же колбаса эта у нихъ съ перetchкомъ.... селедки копченныя... Съ соленой закуской чудесно. Выпили и ни въ одномъ глазѣ... Поспать вотъ только теперича нужно. Сдамъ ружья, да и на боковую.

— Убили-ли что?

— Еще-бы не убить! Тетеревъ есть. Убилъ я и имъ передалъ. Хотѣли они въ лоттерею его про- между себя разыграть, да не знаю, разыграли-ли.

Егеръ прислушался и сказалъ:

— Ъдутъ.

Въ отдаленіи послышался колокольчикъ.

Минуть черезъ пять показались охотники. Двое изъ нихъ были съ собаками. Одинъ былъ для чего-то въ кавказской буркѣ, другой въ резиновомъ пальто, хотя погода была ясная. Егеръ всталъ со скамейки и направился къ нимъ.

— Рыбки, ваша милость, изволили по дорогѣ купить?—обратился онъ къ бѣлокурому усачу и заглядывая въ его яхташъ.

— Женѣ въ подарокъ везу. Нельзя безо всего домой явиться,—отвѣчалъ тотъ.—Дичи нѣтъ, такъ ужъ хоть рыба.

— Кому птица-то у васъ досталась?

— Евстигнѣю Петровичу. За эту птицу онъ обязанъ всѣхъ насъ на пароходѣ завтракомъ угостить,—отвѣчалъ рыжій бакенбардистъ, въ бакенбардахъ котораго торчала солома.

— А я думалъ, вамъ. У васъ что-то яхташъ-то набить.

— А это у меня березовыя почки въ газетной бумагѣ. Везу домой, четвертушку настоять.

— На березовыхъ почкахъ чего лучше! Самый пріятный настой.

— Еще-бы, и лекарственный.